

Вениамин (Федченков), митрополит. Из наследия митрополита Вениамина (Федченкова) / Вступ. статья и публ. подготовлены А. К. Светозарским // Богословский вестник 1993. Т. [1.] № 1. С. 70–101.

ПУБЛИКАЦИИ

---

*А.К. Светозарский,
преподаватель Московской духовной семинарии*

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА)

Вниманию читателей предлагается фрагмент из книги митрополита Вениамина (Федченкова) "Божии люди". Выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, богослов, яркий проповедник и духовный писатель владыка Вениамин (в миру — Иван Афанасьевич Федченков, (1880-1961) оставил большое наследие, в значительной части до сих пор неопубликованное. Наряду с трудами по богословию, проповедями и сочинениями полемического характера перу владыки Вениамина принадлежит ряд произведений, выполненных в жанре автобиографических записок. Это, например, книга воспоминаний "На рубеже двух эпох", содержащая чрезвычайно интересные свидетельства о сложном и смутном периоде российской истории (конец XIX - первая треть XX столетия), о событиях трех революций, о белом движении и его участниках, о судьбах Православной Церкви и Ее чад в эти годы.

Прекрасный русский язык, меткие характеристики исторических деятелей, поразительная точность в изложении событий - вот характерные черты, отличающие стиль владыки как мемуариста.

Сама биография митрополита Вениамина не может не вызвать интерес у исследователей и всех тех, кто интересуется историей Русской Церкви и государства новейшего периода.

Будущий архипастырь родился 2 (14) сентября 1880 года в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Его отец — Афанасий Иванович Федченков — происходил из крепостных крестьян Смоленской губернии; он был дворовым человеком господ Баратынских. Мать - Наталия Николаевна - была дочерью диакона и в девичестве носила фамилию Оршевская. Кроме Вани, в семье было еще пятеро детей, воспитывавшихся в соответствии с традициями Православия, возмужавших в благочестивой атмосфере дружной семьи.

В 1903 году после окончания Тамбовской духовной семинарии Иван Федченков поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию и, будучи студентом последнего курса, в 1907 году принял монашество.

После окончания академии в 1907-1908 годах он - профессорский стипендиат по кафедре библейской истории, а в 1909-1911 годах иеромонах Вениамин - личный секретарь архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского), будущего патриарха.

С 1911 по 1917 год о. Вениамин (Федченков), возведенный к тому времени в сан архимандрита, занимал поочередно должность ректора в Таврической и Тверской семинариях. От младших клириков Тверской епархии он был избран членом Поместного Собора Православной Российской Церкви. Архимандрит Вениамин принимал деятельное участие в заседаниях Собора.

В феврале 1919 года архимандрит Вениамин (Федченков) был хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. После эвакуации белых из Новороссийска в Крым епископ Вениамин примкнул к белому движению. Войдя в состав Временного Высшего Церковного Управления епархий Юго-Востока России, епископ Вениамин стал его представителем в Совете Министров, действовавшем при главнокомандующем - бароне П.Н.Врангеле, и дал согласие быть "епископом армии и флота" - главой военного духовенства Русской Армии (так стали называться при Врангеле Вооруженные силы Юга России).

В ноябре 1920 года епископ армии и флота разделил судьбу своей паствы, отправившись в изгнание...

За границей владыка Вениамин, оставаясь главой военного духовенства сохранявшейся первое время армии, кроме того, активно участвует в организации церковной жизни в условиях эмиграции. Ему приписывают идею организации в Константинополе Временного Высшего Русского Церковного Управления, формально действо-

вавшего под омофором Вселенского патриарха; едва ли не ведущую роль играл епископ Вениамин и в подготовке Всезарубежного Церковного Собора в Сремских Карловцах. После указа св. патриарха Тихона об упразднении заграничного ВВЦУ епископ Вениамин стал постепенно отдаляться от "карловчан" и поселился в сербском монастыре Петковице, где собрал до 30 человек русской братии.

В 1922-1923 годах архиепископ Пражский и всея Чехословакии Савватий (Брабец) поручил епископу Вениамину (Федченкову) управление православными приходами в Карпатской Руси. Но деятельность владыки была прервана по решению чехословацких властей, и он вынужден был вернуться в Сербию. Имея пребывание в Петковице, владыка являлся законоучителем двух кадетских корпусов, настоятелем русской церкви, а также возглавлял пастырско-богословские курсы.

В 1925-1927 и в 1929-1931 годах епископ Вениамин преподавал в Парижском Православном Богословском институте во имя преп. Сергия Радонежского, созданном по инициативе управлявшего православными приходами в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского). По свидетельствам современников, именно владыке Вениамину институт во многом обязан был своим почти монастырским укладом жизни и здоровой духовно-нравственной атмосферой.

После разрыва митрополита Евлогия с Московской Патриархией епископ Вениамин, сохранивший верность митрополиту Сергию, вынужден был навсегда покинуть аудитории института. Вместе со своими бывшими студентами — иеромонахами Феодором (Текучевым) и Стефаном (Светозаровым) — он основал первый приход Московской Патриархии в Париже - Трехсвятительское подворье.

С 1933 года владыка Вениамин, возведенный к тому времени митрополитом Сергием в сан архиепископа, несет послушание в Америке. Он - временный экзарх Московской Патриархии в Америке. Здесь застали его события Великой Отечественной войны, во время которой митрополит (с 1939 года) Алеутский и Северо-Американский Вениамин, занявший патриотическую позицию, трудился в деле организации помощи своим соотечественникам, ведущим борьбу с фашизмом.

Зимой 1945 года, после двадцати пяти лет разлуки, владыка Вениамин побывал на Родине. Он был членом Поместного Собора Русской Православной Церкви. А вскоре, в 1947 году, митрополит Вениамин окончательно вернулся в Россию. Ему было вверено уп-

равление Рижской епархией. В 1951-1955 годах он - митрополит Ростовский и Новочеркасский, а с 1955 года - Саратовский и Вольский. В 1958 году митрополит Вениамин (Федченков) согласно его прошению был уволен на покой и переведен на жительство в Псково-Печерский монастырь. 7 октября 1961 года, в день св. Дмитрия Ростовского, владыка скончался. Тело его было погребено в знаменитых пещерах обители...

Среди бурных волн житейского моря владыка Вениамин сохранил цельное православное восприятие окружающего мира, удивительный внутренний мир, отчасти раскрывающийся еще в одной его книге, которая тоже может быть отнесена к жанру автобиографических записок. Она содержит в себе историю духовной жизни этой замечательной светлой личности. Книга носит название "Записки архиерея", и по своему строению она несколько отличается от книги воспоминаний "На рубеже двух эпох". В "Записках" автор не придерживается хронологического построения, а просто рассказывает о себе, о своих встречах с разными людьми, повествует о мыслях, раздумьях и переживаниях. А более всего "Записки архиерея" - история становления души Божия святителя, его отношения к миру во всем его многообразии и к людям.

Есть в "Записках архиерея" еще одна, очень важная, на наш взгляд, особенность: в них содержатся рассказы о праведниках, святых, Божиих людях, с которыми автору доводилось встречаться в течение его жизни: "святая бабушка" Надежда, мать владыки - Наталия - труженица и постница, положившая всю свою жизнь на воспитание детей; старец Гефсиманского скита о. Исидор; валаамский старец о. Никита; великий молитвенник земли Русской святой праведный Иоанн Кронштадтский; благочестивые миряне и священники; все они - "добрые люди," Божии люди - составляют в творениях митрополита Вениамина прекрасную галерею портретов святильников веры и благочестия, каждый из которых в меру сил своих, в меру данной ему от Господа благодати светит людям, разгоняя мрак мира сего, темень греха. Виденное своими глазами и почерпнутое из книг, а также взятое из живого предания, хранимого православным народом (видел Б., рассказывал А.), - все это органично воплощается в ткань повествования, и все вместе составляет некое "сокровище духовное, от мира собираемое" для научения верующих неложному слову Евангелия.

Нельзя не отметить замечательного свойства автора "Записок" - умения всюду и везде, где бы он ни находился, узнавать Божиих

людей, радоваться тому, что они есть на этой земле, смиренно учиться у них доброму прохождению земного поприща; нельзя не заметить умения не вносить и тени осуждения и зависти (хотя бы и невольных) в свое повествование.

"Божии люди" - это книга в основном о личных встречах владыки Вениамина со святыми.

И поскольку автор всю жизнь придерживался правила: похвала - тоже форма превозношения над тем, кого хвалишь, то поэтому в его повествовании нет того мирского, плотского восторга, всякого рода "ахов" и "охов". Есть спокойный, но в то же время яркий и запоминающийся рассказ - искренний и глубоко прочувствованный.

В предлагаемом фрагменте из книги митрополита Вениамина (Федченкова) "Божии люди" речь - об Оптиной пустыни: о ее насельниках, об удивительном духе, царившем в этой обители, о неповторимом оптинском укладе жизни. В центре повествования - личность старца Нектария (Тихонова), который начал духовно окормлять приходивший в Оптину верующий народ с 1913 года. А будущий владыка (в описываемое время архимандрит) Вениамин дважды посещал Оптину пустынь в период между 1911 и 1915 годами в бытность свою ректором Таврической, а затем Тверской семинарии. И несмотря на то что бывал в пустыни довольно непродолжительное время, сумел он сохранить не только благодарную память о ней, но сумел проникнуться особым духом ее, отличавшим Оптину от многих других обителей Православной Руси. Уезжая от о. Нектария, он увозил с собой не только душевный мир и состояние благодатной просветленности; он навсегда, на всю дальнейшую нелегкую жизнь сохранил в памяти образ старца Нектария.

В долгие годы изгнания (оно длилось более четверти века) владыка Вениамин помнил об отце Нектарии и об Оптиной пустыни. В своей книге "Божии люди", работу над которой он начал еще в Америке, владыка говорит о том, что хорошо было бы узнать о дальнейшей судьбе старца. И уже после возвращения на Родину, в 1948 году, когда он занимал Рижскую кафедру, владыка встретился с писательницей Н.А.Павлович, бывшей духовной дочерью иеросхимонаха Нектария и рассказавшей ему о последних днях старца. По собственному признанию Н.А.Павлович, она во время богослужения в кафедральном соборе г. Риги вдруг почувствовала, что владыка Вениамин "оптинского духа" и решила на откровенный разговор с ним. Владыка же был убежден, что этого человека послал к нему сам старец.

Сколь благодатными и плодотворными были те краткие встречи, если и через три с лишним десятилетия в человеке чувствовался "оптинский дух"!

Дело здесь, конечно же, еще и в том, что сам владыка, рассказывающий на страницах своих произведений о Божьих людях, был причастен к их подвигу, хотя никогда и ни под каким видом не показывал этого в своих произведениях. В повествовании авторскому "я" отводится всегда очень скромное место. Автор - рассказчик, его личность лишь связывает звенья повествования. Он - всегда ученик. Студент ли он, архимандрит или епископ. Он лишь смиренно внимает, "поучаясь на доброе". Но мы видим, что он близок им - живым и усопшим труженикам Божьей нивы, стяжавшим в ежедневном земном труде Божественную благодать и небесные сокровища...

Текст воспроизводится по машинописному экземпляру, хранящемуся в библиотеке Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

О П Т И Н А

"Оптина"...Так сокращенно называли обычно этот монастырь богомольцы. Подобно и Саровский монастырь звали просто "Саров". А иногда к Оптиной присоединяли и слово "пустынь", хотя пустынного там не было ничего, но этим хотели, вероятно, отметить особую святость этого монастыря.

Оптина находится в Калужской губернии, в Козельском усаде, в 4 верстах от города, за речкой Жиздрой, среди соснового бора.

Самое слово, Оптина, толкуют различно. Но нам, с духовной точки зрения, больше по душе легенда, что эта пустынь получила свое имя от какого-то основателя ее, разбойника Опты. Так ли это было на самом деле или иначе, но посетителям, да и монахам это объяснение нравится больше, потому что богомольцы тоже приходили туда с грехами и искали спасения души, да и монашеское житие по сущности своей есть прежде всего покаянное подвижничество.

Прославилась же Оптина своими "старцами". Первым у них был отец Лев - или Леонид - ученик знаменитого старца Паисия Величковского, подвизавшегося в Нямецком монастыре, в Молдавии. После отца Льва старчество перешло к преемнику его, иеромонаху о.

Макарию (Иванову), происходившему из дворян. Про него сам митрополит Московский Филарет сказал однажды: "Макарый - свят". Под его руководством воспитывался и вызрел "мудрый" Амвросий, учившийся сначала в семинарии. Потом были старцы - два Анатолия, Варсонофий - из военной среды и о. Нектарий¹⁾. Последнего, а также и второго Анатолия видел я лично и беседовал с ними. Но кроме этих, особо выдающихся иноков и настоятеля, и многие монахи тоже отличались высокою святою жизнью. Впрочем, и вся Оптина славилась на Россию именно духовным подвижничеством братии, что связано было больше всего со старчеством и в свою очередь воспитывало опытных старцев.

Старец - это опытный духовный руководитель. Он не обязательно в священном сане, но непременно умудренный в духовной жизни, чистый душою и способный наставлять других. Ради этого к ним и шли за советами не только свои монахи, но и миряне со скорбями, недоумениями, грехами... Слава оптинских старцев за одно второе столетие распространилась за сотни и тысячи верст от Оптиной, и сюда тянулись с разных сторон ищущие утешения и наставления. Иногда непрерывная очередь посетителей ждала приема у старца. С утра до вечера. Большею частью это были простые люди. Среди них иногда выделялся священник или послушник монастыря. Не часто, но бывали там и интеллигентные лица: приходил сюда и Толстой²⁾, и Достоевский, и великий князь И.Константинович³⁾, и Леонтьев, и бывший протестант Зедеггольм; жил долго при монастыре известный писатель С.А.Нилус⁴⁾; постригся в монашество бывший морской офицер, впоследствии епископ Михей; при о. Макарии обитель была связана с семьей Киреевских, которые много содействовали издательству монастырем свято-отеческих книг; отсюда же протянулись духовные нити между обителью и Н.В.Гоголем; известный подвижник и духовный писатель епископ Игнатий Брянчанинов тоже питался духом этой пустыни. А кроме этих лиц, дух внутреннего подвижничества и старчества незаметно разлился по разным монастырям. И один из моих знакомых писателей, М.А.Н., даже составлял родословное дерево, корнями уходившее в Оптину... Хорошо бы когда-нибудь заняться и этим вопросом какому-нибудь кандидату богословия при написании курсового сочинения... А мы теперь перейдем уже к записям наших воспоминаний.

Конечно, они не охватывают всех сторон монастырской жизни обители; не говорят о подвижнической страде иноков, какая известна была лишь им, их духовникам да Самому Богу. Я буду говорить лишь

о более выдающихся лицах и светлых явлениях Оптиной. Разумеется, такое описание будет односторонним. И правильно однажды заметил мой друг и сотоварник по СПбД. Академии, впоследствии архимандрит Иоанн (Раев), скончавшийся рано от чахотки, что я подобным описанием ввожу читателей, а прежде - слушателей - в некое заблуждение. Он привел тогда такое сравнение. Если смотреть на луг или цветник сверху, то как покажется он красивым со своими цветами и яркой зеленью. А спустись взором понижее, там видишь голенький ствол с веточками. Но и здесь еще не источник жизни, а внизу, в земле, где корявые и извилистые корни в полной тьме ищут питания для красивых листочков и цветочков. Тут уже ничего красивого для взора нет, наоборот, и неблаголепно, и грязно... А то и разные червяки ползают и даже подгрызают и губят корни, а с ними вянут и гибнут листочки и цветочки.

Так и монашество, говорил о. Иоанн, лишь на высотах и совне красиво; а самый подвиг иноческий и труден, и проходит через нечистоты, и в большей части монашеской жизни является крестной борьбой с греховными страстями. А этого-то ты, говорил друг, и не показываешь в своих рассказах.

Все это совершенно верно, скажу я. Но ведь и в Житиях святых описываются большей частью светлые явления из жизни их и особенные подвиги. А о греховной борьбе упоминается обычно кратко и мимоходом. И никогда почти не рассказывается о ней подробно. Исключением является лишь Житие св. Марии Египетской, от смрадных грехов дошедшей потом до ангелоподобной чистоты и совершенства. Но и то описатели оговариваются, что они делают это вынужденно, чтобы примером такого изменения грешницы утешить и укрепить малосильных и унывающих подвижников в миру и в монастырях. Так и мы вообще не будем много останавливаться на наших темных сторонах: это не поучительно. Да они мне и неизвестны в других людях: о чем бы стал я говорить?! Впрочем, где следует, там будет упомянуто и об этом. Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угодинок Божиих и предшествует, и сопутствует духовная борьба; ниогда - очень нелегкая и некрасивая...

Кстати, и сам упомянутый о. Иоанн должен по справедливости быть причислен к лику подвижников: он мало жил; умер, будучи инспектором Полтавской семинарии.

ОТЕЦ АНАТОЛИЙ

Через 2-3 дня моей жизни пронеслась весть в монастырь: прибывает чудотворная икона Калужской Божией Матери (память — 2 сентября). К указанному времени многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону. Через несколько моментов там уже собралась густая толпа народа, плотным кольцом кого-то или что-то окружавшая. Из простого любопытства я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы, нужна была какая-то особая причина к этому. Протиснувшись немного к центру толпы, я увидел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой, нерасчесанной, небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилось и радовалось. Так милые дети встречают родную мать.

- Кто это? - спрашиваю я соседа.

- Да батюшка отец Анатолий⁵⁾! - ласково ответил он, удивляясь, однако, моему неведению.

Я слышал о нем, но не пришлось еще встретить его лично; да и не было особой нужды в том: не имел никаких вопросов к нему. А теперь явился вопрос о нем самом: что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку? Почему? И ответ явился сам собою: святой человек тоже чудо Божие, как и икона, только - явное чудо. Святой есть только "образ" Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет Сам Бог Своею благодатью. И тут и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими дарами радости, утешения, милосердия, духовного света. Как Спаситель с Монсеем и Илней явились на Фаворе в благодатном несозданном свете ученикам, и тогда Петр от восторга воскликнул: "Господи! Хорошо нам здесь быть" (Лк. 9,33). Так и через святых людей эта же преображенная благодать и светит, и греет. А иногда - как это не раз было с о. Серафимом Саровским - она проявляется и в видимом, хотя и сверхъестественном, свете. Так было и теперь: через "батюш-

ку" (какое ласковое и почитательное слово!) светило Солнце правды. Христос Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете.

Вспомнились мне и слова апостола Павла о христианах: разве не знаете, что вы - храм Божий, и Дух Божий живет в вас? (1 Кор. 6, 19).

И другое его изречение, что всякий христианин должен бы возрастать в образ совершенный, в меру возраста полноты Христовой (Еф. 4, 13)... Вот какая высота задана христианину - Сам Богочеловек, Христос!

И это - не дерзость хищения невозможного (Флп. 2, 6), а повеление и заповедь Спасителя, данная в последней Его беседе:

- Если кто будет исполнять Мои заповеди, тот будет возлюблен Отцем Моим; и Мы придем к тому и обитель в нем сотворим (Ин. 14, 23).

Это - цель и задача христианской жизни: общение с Богом через благодать Святого Духа. И тогда облагодатствованные люди начнут изливать свой, т.е. Божий, свет и на других.

Боже, как велики сами по себе и чрезвычайно важны для других эти святые люди! Выше их нет никого!

Пришлось и мне встречать в жизни своей так называемых "великих" людей, но никогда я не чувствовал их величия: человек как человек, обыкновенный. Но вот когда приходилось предстать перед святыми, тогда ясно чувствовалось действительное величие их... Вот это - необыкновенные люди!.. А иногда и страшно становилось при них, как это мне пришлось ярко пережить при службе с о. Иоанном Кронштадтским.

И тогда понятным становится, почему мы прославляем святых, пишем их иконы, кланяемся им в землю, целуем их. Они воистину достойны того! Понятно станет и то, что мы в храмах кадим не только иконы Спасителя, Богородицы и святых, но и вообще всех христиан: мы в них кадим, воздаем поклонение и почитаем Самого Бога, проявляющегося в Своих образах: и в иконах, и в людях.

Ведь всякий христианин должен быть образом Божиим. Однажды мне пришлось спросить некоего старца:

- Как нужно относиться вообще к человеку?

- С почитанием, - ответил он. Я удивился словам его.

- Почему? Человек есть образ Божий, - сказал он.

И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут и люди; повновались Адаму в раю даже и звери. Об этом нам говорят и Жития Герасима Иорданского и Серафима Саровского; и трепещут их даже бесы. Зато радуются им небожители. Когда Матерь

Божия явилась с апостолами Петром и Иоанном св. Серафиму, то Она сказал им:

—Сей - от рода нашего!

От того же рода был и батюшка о. Анатолий. Сколько радости, любви и ласки изливалось от его лика на всех смотревших на него в Оптином лесу, на солнечной прогалине!

МУЖ И ЖЕНА

А вот и наставление его, старческий совет. Я получил письмо от своего друга и товарища по академии, священника о. Александра Б. из Самарской губернии, о разладе с женой... Уже как он любил ее невестой! Весь наш курс знал о ней, какая она хорошая и прекрасная. И вот они повенчались. Он получает приход в рабочем районе города. Нужно строить храм. Молодой и идейный священник с любовью и энергией принимается за дело. Постройка быстро движется вперед.

Казалось бы, все хорошо. Но вот горе для матушки: ее батюшка запаздывает к обеду. Матушка недовольна этим: то пища остыла, то переварилась и пережарилась. Да и время напрасно пропадает, и другие дела по дому есть... И дети появились... И огорченная хозяйка начинает роптать и жаловаться на такой беспорядок и расстройство жизни. А еще важнее то, что она, вместо прежней любви, начинает уже сердиться на мужа: разлагается семья. Батюшка же оправдывается перед ней:

- Да ведь я не где-нибудь был, а на постройке храма!

Но это ее не успокаивает. Начинается семейный спор, всегда болезненный и вредный. Наконец матушка однажды заявляет решительно мужу:

- Если ты не изменишь жизни, то я уйду к родителям.

И вот к такому моменту мы обменялись с о. Александром письмами. Узнав, что я еду в Оптину, он написал все свое затруднение и попросил меня зайти непременно к о. Анатолию и спросить старческого совета его: как ему быть? Кого предпочесть - храм или жену?

Я и зашел в келлию батюшки. Он принимал преимущественно мирских, а монахи шли к другому старцу, о. Нектарию⁶⁾. В келлии о. Анатолия было человек десять-пятнадцать посетителей. Среди

них обратился с вопросом и я. Батюшка, выслушав с опущенными глазами историю моего товарища, стал сокрушенно качать головой: "Ах, какая беда; беда-то какая!" Потом, не колеблясь, хлопотливо начал говорить, чтобы батюшка в этом послушался матушки: "Иначе плохо будет, плохо!" И тут же припомнил мне случай из его духовной практики, как развалилась семья из-за подобной же причины. И припоминаю сейчас имя мужа: звали его Георгием.

- Коиечио, - сказал о. Анатолий, - и храм строить - великое дело, но и мир семейный хранить - тоже святое Божие повеление: муж должен, по апостолу Павлу, любить жену, как самого себя; и сравнил апостол жену с Церковью (Еф. 5, 25-33). Вот как высок брак! Нужно сочетать и храм, и семейный мир. Иначе Богу неугодно будет и строение храма. А хитрый враг-диавол под видом добра хочет причинить зло: нужно разуть нам козны его. Да, вот так и отпишите: пусть приходит вовремя к обеду. Всему есть свое время. Так и отпишите!

А потом, немного подумав, добавил:

- А тут добро-то добро — строить храм-то. Но к нему тайно примешивается и тщеславие... Да, примешивается, примешивается: ему хочется поскорее кончить... людям понравиться... Так и отпишите...

Я так и отписал. И дело поправилось.

ДВОРЯНСКАЯ

Во второе посещение я приехал ночью. Извозчик из Козельска подвез меня почему-то не к "черной" гостинице, а к "дворянской", где принимали почетных или богатых гостей. Я не стал возражать. Было уже около часу ночи, если не два. Нужно сказать, что в то время моей жизни мне сопутствовала Иверская икона Божией Матери. Бывало, одну отдам кому-нибудь, получу скоро другую. И я уже так привык к сей святыне, что, куда бы ни приезжал, искал сначала: а нет ли и здесь Иверской? Так было и тут. Вхожу в первую комнату - в переднем углу висит икона Спасителя. Я жалею уже - не Иверская. Вхожу в спальню: и в углу - Иверская, слава Богу!

Ложусь спать... Едва успел я задремать, слышу звон к утрени! Хорошо бы встать да идти в храм. Но лень. Устал. И снова заснул...

Проснулся довольно рано, часов около пяти. Было прекрасное августовское утро. Небо чистое. Солнце яркое. Зеленые деревья. Я открыл окно. И вдруг ко мне на подоконник прилетает голубь, совсем без страха. Я взял оставшийся от пути хлеб и стал крошить ему. Как мне это было отрадно: не боится людей! Но тут прилетает второй голубь. Я и ему отделяю крошки. Но первый уже стал ревновать: зачем я даю и другому?! И начинает клевать нового гостя. Сразу пропала моя радость: "Господи, Господи! Вот и голуби враждуют и воюют". А уж казалось бы, какие это мирные птицы! Даже Спаситель указывает на них, как на пример, апостолам: - "Будьте кротки, как голуби" (Мф. 10, 16). И грустно стало на душе. А уж чего же требовать от нас, людей. При нашем себялюбии?! Говорят иные: не будет войн когда-то... Неправда: всегда будут, до конца мира. И не могут не быть, так как каждый из нас в самом себе носит источник войн: гордость, зависть, злобу, раздражение, сребролюбие... Недавно сказал один из писателей перед смертью, когда сын спросил его: прекратятся ли войны? - ответил: пока человек останется человеком, будут и войны!

Сам же Сын Божий предсказывал, что мир ожидает не прогресс, а ухудшение человеческих отношений. И к концу мира будут особенно страшные войны: восстанет народ на народ (а не оди армии на армии), царство на царство. Зло лежит в нас самих, в сердцах наших; поэтому вся история этого мира и человека вообще есть трагедия, а не легкая и веселая прогулка. Мир испорчен, и все мы грешны.

Так голуби мои не примирились: улетели оба.

В тот же день я, посетив о. игумена, попросил у него разрешения пожить мне в скиту: там больше уединения и духовного отдыха, чем при монастыре. И к вечеру я ушел туда.

Скит - это отделение монастыря, где монахи живут более строго и в большой молитвенности. Туда обычно не впускают посторонних лиц вообще, а женщинам - совсем не разрешается входить.

Оптинский скит во имя св. Иоанна Предтечи находится приблизительно в полверсте от монастыря. Кругом стройные высокие сосны. Среди них вырублено четверугольное пространство, обнесенное стеной. Внутри - храм и небольшие отдельные домики для братьев. Но что особенно бросается в глаза внутри его, это - множество разведенных цветов. Мне пришлось слышать, что такой порядок заведен был еще при старце о. Макарии. Он имел в виду утешать

уединенную братию хотя бы красотою цветов. И этот обычай хранился очень твердо.

Мне сначала было отведено место в правой половине "Золотухинского" флигеля; в левой жил студент Казанской духовной академии О.А. Войдя в новое помещение, я устремился к углу с иконами: нет ли Иверской? Но там была довольно большая икона с надписью: "Портатисса"... Я пожалел... Но потом спросил сопровождавшего монаха: что значит "Портатисса"? "Привратница", - ответил он, или иначе - Иверская. Ее икона явилась Иверскому монастырю на Афоне (Иверия - Грузия); и ей построили храм над воротами обители, потому что Матерь Божия в видении сказала: "Яне хочу быть хранимой вами, а Сама буду вашей Хранительницей". Я возрадовался. И в этом скиту я прожил около двух недель.

Провожал меня сюда высокий, статный инок с светло-белыми волосами и густой бородой. Имя его я уже не помню теперь. Но запомнил, что он был из семинаристов. Почему он, такой представительный, образованный и с хорошим басом, оставил мир и ушел в пустынь? Не знаю; а спрашивать было не деликатно.

Еще вспоминаю, что он почему-то рассказал мне про искушение одного египетского монаха, боримого плотскими страстями; как тот не унывал от своего падения, а бежал обратно в монастырь, несмотря на то что бес шептал ему аернуться в мир и жениться... Когда же монах пришел к старцу своему, то пал в ноги со словами: "Авва, я пал!" Старец же увидел над ним венцы из света, как символ того, что диавол несколько раз хотел его ввести в уныние и понуждал оставить монастырь; а благоразумный инок столько же отвергал эти искушительные помыслы и даже не сознавался в содеянном грехе, пока не пал в колена старца.

СТАРЦЫ

Перед уходом в скит я - не по совету ли игумена монастыря или кого из иноков - пожелал отслужить панихиду по усопшим старцам. За главным храмом, около стены алтаря, были две могилы рядом - о. Макария и о. Амвросия. Мне дали в качестве певчего клиросного монаха - тенора. В засаленном подряснике, с довольно полным

животом, он произвел на меня неблагоприятное впечатление: не похоже на оптинских прославленных святых, думалось мне...

Поя панихиду, я заметил под нагробной плитой ямочку. Монах объяснил мне, что почитатели старцев берут отсюда песочек с верою для исцеления от болезней. И вспоминаются мне слова Псалмопевца об Иерусалимском храме, что верующие в Господа любят не только сам храм, но "благоволят" и о камнях его; и "персть (прах) его полижут". И что тут дивного, если и теперь русские эмигранты, возвращаясь на родину, берут горсть земли и целуют ее; а иные припадают к ней лицом и тоже целуют. Пусть же не осуждают и нас, верующих, если мы берем песочек от святых могил. Русский народ, при всей своей простоте, совершенно правильно и мудро понимал святые вещи. И чудеса могли твориться от этого. Из Деяний мы знаем, что не только головные уборы апостолов изливали исцеления, но даже тень их творила чудеса (5,15). А от о. Серафима Саровского оставшиеся вещи - мантия, волосы, камень, на котором он молился тысячу дней и ночей, вода из его колодца и пр. - творили чудеса.

"Велий еси, Господи и чудна дела Твоя!"

Продолжу, однако, историю о "плохих" монахах. Для этого забегу немного вперед. Накануне праздника Успения Богоматери я стоял среди богомольцев; монахи там стояли в левой, особо выделенной части храма. Впереди на амвоне ходил с клироса на клирос послушник-канонарх и провозглашал певчим стихиры. Свое дело он вел хорошо. Но мне бросился в глаза белый ворот рубахи, выпущенный свех воротника подрясника. И мне показалось, что этот монах недалек от мирян, тщеславящихся своими одеждами. "Какой же он оптинец?!" - так вот я осудил этих двух иноков. И думал, что я прав в своих помыслах.

Но вот на другой день за литургией я сказал проповедь (об этом ниже). И что же? Когда я сходил с храмовой паперти, ко мне подбежали два монаха и при всем народе поклонились мне с благодарностью в ноги, прося благословения. Кто же были эти два монаха?.. Один из них - полный певчий на могилках, а другой - этот канонарх с белым воротничком. Я был ошеломлен тем, что именно те двое, которых я осудил как плохих монахов, они-то именно и проявили смирение... Господь как бы обличил меня за неправильный суд о людях. Да, сердце человека ведомо лишь одному Богу. И нельзя судить нам по внешнему виду... Много ошибок делаем мы в своих суждениях и пересудах...

Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя - может быть, его звали Ксенофонт¹⁾? Это был уже седовласый старец с тонкими худыми чертами бледного лица. Лет более 70... Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно женщины. Но он шел поспешно вперед в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подхлывших и быстро их благословляя... Я наполнился благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью; другой - в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью.

Вспоминаю другого игумена, по имени Исаакий. Он перед служением литургии в праздники всегда исповедался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает? и в чем ему каяться? какие у него могут быть грехи? На это отец игумен ответил сравнением:

- Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью.

По поводу этих "малых" грехов припоминается здесь широко известный случай с двумя женщинами, имевший место в Оптиной пустыни. К старцу о. Амвросию пришли две женщины. Одна из них имела на своей душе великий грех и потому была крайне подавлена. Другая же была довольно весела, потому что за ней никаких "больших" грехов не значилось. Отец Амвросий, выслушав их откровения, послал обеих к реке Жиздре. Первой он велел найти и принести огромный камень, какой только она была в силах поднять; а другая должна была набрать в подол своего платья маленьких камней. Те исполнили повеленное. Тогда старец велел обеим отнести камни на старые места. Первая легко нашла место большого камня, а вторая не могла запомнить всех мест своих небольших камней и воротилась со всеми ними к старцу. Он и объяснил им, что первая всегда помнила о великом грехе и каялась; и теперь могла снять с души своей его; вторая же не обращала внимания на мелкие грехи, а таких оказалось много: и она, не помня их, не могла очиститься от них покаянием.

Здесь же заметим, что в монастырях обычно один лишь игумен монастыря называется "батюшка" - как одна матка в пчелином улье. А прочие монахи - как рясофорные, так и мантийные (постриженные в мантию) и иеромонахи - именуются "отцы" с прибавлением их монашеского имени. Исключение составляют лишь "старцы": народ обычно называет их тоже "батюшка", а монахи и тут отличают их от игуменов, называя "старец" такой-то, по имени.

СКИТНИКИ

Запишу разговор со мною о. Феодосия, настоятеля скита⁸⁾, о монашестве моем.

- Ради чего вы приняли монашество? - спросил он меня.

- Ради большего удобства спасения души и по любви к Богу, - ответил я.

- Это хорошо. Правильно. А то вот ныне принимают его, чтобы быть архиереями "для служения ближним", как они говорят. Такой взгляд - неправильный и несмиренный. По - нашему, по-православному, монашество есть духовная, внутренняя жизнь, и прежде всего жизнь покаянная, именно ради спасения своей собственной души. Но если кто усовершится в этом, то он сможет и другим послужить на спасение. А иначе не будет пользы ни ему, ни другим.

Утренние службы совершались недолго, но зато скитские иноки вообще проводили значительную часть дня в свободных молитвах, по келлиям. И эта сторона их жизни была ведома лишь им да Богу... Известно, что всякие "правила" и уставы о молитве нужны больше всего для нас, новоначальных, не воспитавших еще молитвенного горения "непрестанной" молитвы и "стояния пред Богом". Усовершенствовавшимся же в этом внешние правила необязательны, а иногда даже они отвлекают от внутренней молитвы.

Какова была эта сторона жизни у подвижников и у старца Нектария, мне было неизвестно, а спрашивать не смел да, признаться, и не очень-то интересовался этим, будучи сам нищим в молитве. Только я прежде уже заметил, что, например, у о. Нектария глаза были воспалены: не от молитвенных ли слез? Говорил мне кто-то, что у него еще и ноги больные, распухшие: ясно, от долгих стояний или поклонов...

В молитвенности и заключается главная жизнь подлинных иноков, путь к благодатному совершенству и даже средство к получению особых даров Божиих: мудрости старческой, прозорливости, чудес, святости. Но эта сторона жизни - сокровенная у подвижников. Однако мы никогда не должны забывать о ней как самой главной, если желаем хоть умом понять жизнь вообще святых.

Вставать приходилось около трех часов утра. Будил нас по келлиям довольно молодой еще послушник, *о. Нестор*. Очень милый и ласковый, всегда с улыбкой на чистом лице, с небольшой бородкой. Говорили про него, что он любил спать; поэтому ему и дано было послушание будить других: для этого он вынужден был поневоле вставать раньше, чтобы обойти весь скит. Но и после, говорят, его тянуло ко сну.

Отец Макарий. В противоположность *о. Нестору* это был человек сурового вида. Огромная рыжая борода, сжатые губы, молчаливый, он напоминал мне *о. Ферапонта* из "Братьев Карамазовых" Достоевского. Он занимал положение эконома в скиту: на эту должность вообще назначают людей посуровее, чтобы не расточал зря, а берег монашеское добро. Познакомился же я с ним по следующему поводу. Однажды мы с сожителем в Золотухинском "корпусе", с *о. Афанасием*, пошли к литургии; и, забыв внутри ключ от дома, захлопнули дверь его. Что делать? Ну, думаем, после попросим *о. эконома* помочь нам: у него много всяких ключей. Так и сделали. *О. Макарий*, молча, пошел с нами. В рясе и клобуке - величаво. А замок наш был винтовой. *О. эконом* вынул из связки один подобный ключ, но его сердечко было меньше дырочки замка. Тогда он поднял с земли тоненькую хворостиночку, вложил ее в отверстие замка и молча начал опять вертеть ключом. Не помогало. Тогда я посоветовал ему:

- Отец Макарий, вы бы вложили хворостиночку потолще! А эта тонка: не отопрете.

- Нет, не оттого. Без молитвы начал! - сурово ответил он.

И тут же перекрестился, прочитав молитву Иисусову: "Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй мя, грешного!" - И снова начал вертеть ключ с прежней хворостиночкой. И замок тут же открылся. *О. Макарий*, не говоря более ни слова, ушел к себе, а мы разошлись по своим комнатам.

По этому поводу и в связи с ним мне вспоминается и другой случай. Спустя десять лет, будучи уже эмигрантом в Европе, я был на студенческой конференции Христианской ассоциации молодых

людей в Германии, в г. Фалькенберге⁹⁾. По обычаю, мы устраивали временный храм и ежедневно совершали богослужения, а в конце все говели и причащались.

В устройстве храма мне помогал друг - студент А.А.У-в. На алтарной стороне нужно было повесить несколько икон. Юноша начал вбивать в стену гвозди, но они попадали на камни и гнулись. Увидев это и вспомнив о Макария, я сказал: "А вы сначала перекреститесь и молитву сотворите, а потом уже выбирайте место гвоздю".

Тот послушно исполнил это. Помолился и наставил гвоздь в иное место, ударил молотком — и он попал в паз между камнями. То же самое случилось и со вторым гвоздем и с прочими.

Был подобный случай и с о. Иоанном Кронштадтским. Встав рано утром, около трех часов, он по обычаю должен был читать утреннее правило ко Причащению. Но никак не мог найти этой книжки. Безуспешно пересмотрев все, он вдруг остановился и подумал: "Прости меня, Господи, что я сейчас из-за поисков тварн (книги) забыл Тебя, Творца всяческих!"

И немедленно вспомнил место, куда он вчера положил книгу.

Потом в жизни я многим рассказывал об этих случаях. И сам нередко на опыте проверял истинность слов "сурового" о. Макария: "Без молитвы начал".

Отец Кукша. Странное имя, никогда прежде мною не слышанное. Память этого святого — 27 августа. Жил он в Киевской Лавре в конце XI и начале XII века. Он миссионерствовал среди вятичей творил чудеса. Вместе со своим учеником Никоном был убит язычником. Мощи их доселе лежат в Антониевых пещерах. Живший в то время в Лавре Пимен Постник воскликнул среди церкви:

- Брат наш Кукша убит! - И сам тотчас же скончался (1113 год).

В память этого священномученика и было дано при постриге имя оптинскому иноку. Я с ним познакомился ближе потому, что монастырское начальство нашло нужным перевести меня из Золотухинского дома в другой, в келью рядом с о. Кукшей. Это был пожилой уже монах, лет около 65, а может, и больше, небольшого роста, со светлой бородой и необыкновенно простой и жизнерадостный. Он мне готовил чай в маленьком самоварчике, вмещавшем 4-5 чашек. Тут лишь мы и встречались с ним. И в скиту, и в монастыре не было обычая и разрешения ходить по чужим келлиям без особого послушания и нужды. И я не ходил. А однажды зашел - таки по приглашению к одному монаху, но после получил от о. Феодосия легкое замечание:

- У нас не ходят по келлиям.

Вероятно, и пригласивший меня получил выговор. Хотя наша беседа с ним была не на плохие темы, а о святых отцах и их творениях, но раз без благословения, то и хорошее - не хорошо...

И к о. Кукше я не ходил и даже не видел его келлии, хотя жили рядом в доме. Да и он заходил ко мне исключительно по делу, и наши разговоры были случайными и короткими. Однажды он с удивительной детской простотой сказал мне о старчестве и старцах:

- И зачем это, не знаю... Не знаю!.. Все так ясно, что нужно делать для спасения! И чего тут спрашивать?!

Вероятно, чистой душой его, руководимой благодатью Святого Духа, и в самом деле ни о чем не нужно было спрашивать: он жил свято и без вопросов. Беззлойный, духовно-веселый, всегда мирный, послушный, - отец Кукша был как дитя Божие, о которых Сам Спаситель сказал: "Коли не будете как дети, не войдете в Царство Небесное" (Мф. 18,3). Но однажды с нами случилось искушение. Мне захотелось отслужить утром литургию. А о. Кукша заведовал церковной стороной скита и ризницей. Потому я и сказал ему накануне о своем желании. По чистой простоте он радостно согласился и я отслужил.

А в скиту был обычай - вечерние молитвы совершать в домике о. скитоначальника. После этого мы все кланялись о. Феодосию в ноги, прося прощения и молитв, и постепенно уходили к себе. А если ему нужно было поговорить с кем-либо особо, то он оставлял их для этого после всех. Но на этот раз о. Феодосий оставил всех. Братья в скиту было немного. После "прощения" он обращается к о. Кукше и довольно строго спрашивает:

- Кто благословил тебе разрешить отцу архимандриту (то есть мне) служить ныне литургию?

Отец Кукша понял свою вину и без всяких оправданий пал смиренно в ноги скитоначальнику со словами: "Простите меня, грешного! Простите!"...

Так он и не сказал ни одного словечка в свое оправдание. А я стоял тоже, как виноватый, но ничего не говорил... Потом с благословения начальника мы все вышли... И мне, и всей братии был дан урок о послушании... Действительно ли о. Феодосий рассердился, или он просто через выговор смиренному о. Кукше хотел поучить и других, а более всего меня, не знаю... Но на другой день утром вижу в окно, что он в клобуке и даже в мантии идет к нашему дому. Вошел

ко мне в келлию, помолился перед иконами и, подавая мне освященную за службой просфору, сказал:

- Простите меня, о. архимандрит, я вчера разгневался и позволил себе выговаривать при вас о. Кукше.

Не помню теперь, ответил ли я что ему или нет.

Но вот скоро встретился другой случай. В Калужскую епархию приехал новый архиерей: — епископ Георгий. Он был человек строгий и даже крайне властный. День был солнечный. Утро ясное. Вижу: о. Феодосий направляется с о. Кукшей к храму св. Иоанна Предтечи. Я поклонился. Батюшка говорит мне, что ныне он с о. игуменом монастыря едет в Калугу представляться новому Владыке:

- Вот сначала нужно отслужить молебен.

А я про себя подумал: монахи едут к общему отцу епархии и своему, а опасаются, как бы не случилось никакого искушения при приеме... Страшно...

В это время о. Кукша отпер уже храм и мы двинулись туда. На пути о. Феодосий говорит мне:

- Вы знаете? Отец Кукша - великий благодатный молитвенник. Когда он молится, то его молитва, как столп огненный, летит к престолу Божию!

Я молчал. И вспомнил выговор этому столпу: видно, нужно это и ему, и всем нам.

Седовласый о. Афанасий. Представьте себе глубокого старца с белыми волосами, с белой широкой бородой, закрывавшей почти всю грудь его. На голове мягкая монашеская камилавка. Глаза опущены вниз и духовно обращены внутрь души, точно они никого не видят. Если кто помнит картину Нестерова "Пустынный", то о. Афанасий похож на него, только волосы блее. В первый раз я обратил на него свое внимание в скитской трапезной. В чистой столовой, человек на 20-25, в середине стоял стол, а по стенам лавки. Первый приходивший сюда, положив, по обычаю, троекратное крестное знамение, садился направо на первое от дверей место. Входящий за ним другой инок после крестного знаменения кланялся пришедшему раньше и занимал соседнее место. Так же делали и другие, пока к строго определенному времени не приходили все. И никто ничего не говорил. Нагнув лицо вниз, каждый или думал что, или вернее - тайно молился. На этот раз мне пришлось в ожидании трапезы сидеть рядом с о. Афанасием. В молчаливой тишине я вдруг услышал очень тихий шепот со стороны своего соседа. Неволько я повернул свое лицо и заметил, как о. Афанасий двигает старческими губами и

шепчет молитву Иисусову... По-видимому, она стала у него беспрестанною привычкою и потребностью.

После обеда я спросил у кого-то из скитников: какое особое, кроме молитвы, послушание несет старец? Оказалось, что он из скита носит на "скотный двор" грязное белье монахов для стирки. Этот двор расположен где-то в лесу, в стороне от монастыря, и там трудятся несколько женщин Бога ради. Вот туда и посылают старца, убеленного сединами.

Отец Иоиль. Я уже упоминал о нем как об очевидце визита Л.Н.Толстого к о. Амвросию. Теперь добавлю его рассказ о сотрудничестве с этим святым старцем. Батюшка начал и вел постройку женского Шамординского монастыря больше с верою, чем с деньгами, которые давал ему на это народ и благотворители. И не раз в конце недели рабочим нечем было платить. Отец Иоиль был подрядчиком на этой стройке от лица о. Амвросия. Приходит время расчета, а денег нет... Народ - все бедный. Приступают к подрядчику: "Плати!" - "Нечем!" Подождите да потерпите. И рабочие - хоть бросай дело. А о. Иоилю и их жалко, и постройку нельзя остановить.

- Вот я один раз решил отказаться от послушания: неамоготу мне, - рассказывал он сам. - Пришел к батюшке, упал в ноги ему и говорю: "Отпусти, сил никаких нет терпеть людское горе". Отец Амвросий уговаривает: "Не отказывайся, проси их подождать. И сам я плачу, а сил нет. Ну, подожди, подожди!" - говорит батюшка. И пошел он к себе в келлию. Ну, думаю, где-нибудь в столе своем отыщет деньги. А он выходит с иконой Казанской Божией Матери и говорит: "Отец Иоиль! Сама Царица Небесная просит тебя: не отказывайся!" Я упал ему в ноги. И опять пошел на дело.

Отец Исаакий. Кажется, таково было имя одного из оптинских старых иеромонахов. Мы с ним встретились во внутреннем садике. Это был старец, лет под 70, но еще бодрый. Длинная с проседью борода. Он был духовником в этом самом Шамординском монастыре, наезжая туда по временам. К сожалению, из небольшой случайной нашей беседы осталось очень мало в памяти моей. Но он утешал меня, убеждая не унывать. Причем обратил мое внимание на то, что образованные монахи тоже делают святое дело в миру, тоже исполняют церковное послушание в школах, семинариях во славу Божию. И при этом в глазах его светилась ласка и тихое ободрение.

СВЯТОЙ СТАРЕЦ ОТЕЦ НЕКТАРИЙ

Через ворота под колокольной вошел я внутрь двора скита. Меня приятно поразило множество цветов, за коими был уход. Налево узенькая дорожка вела к скитоначальнику, о. Феодосию. Он был здесь "хозяином", но подчинялся отцу игумену монастыря, как и все прочие. Это был человек высокого роста, уже с проседью и довольно плотный. Познакомились. И я сразу попросил у него благословения сходить исповедаться у старца о. Нектария.

Опишу ту комнату, в которой я встретился с ним и где бывали и Достоевский, и Л.Толстой, и проф. В.С.Соловьев, и другие посетители. Этот домик назывался "хибаркою". Она была небольшая, приблизительно аршин пять на восемь. Два окна. По стенам скамьи. В углу икона и картина святых мест. Светилась лампадка. Под иконами стол, на котором лежали листочки религиозного содержания. Из приемной комнаты вела дверь в помещение самого старца. А другая дверь от него вела в подобную же комнату, соседнюю с нашей: там принимались и мужчины, и женщины; в нее вход был прямо из леса, с внешней стороны скита; я там не бывал.

Другой старец, батюшка о. Анатолий, жил в самом монастыре и там принимал народ, преимущественно мирян; а монахам рекомендовалось более обращаться к о. Нектария.

Когда я вошел в приемную, там уже сидело четверо: один послушник и какой-то купец с двумя мальчиками, лет по 9-10. Как дети, они все о чем-то говорили весело и тихо щебетали и, сидя на скамейке, болтали ножками. Когда их разговор становился уже громким, отец приказывал им молчать. Молчали и все мы, взрослые; как в церкви, и здесь была благоговейная атмосфера: рядом - святой старец... Но детям это было невтерпез и они сползли со скамьи и начали осматривать красный угол с иконами. Рядом с ними висела картина какого-то города. На ней и остановилось особое внимание шалунов. Один из них говорит другому: "Это наш Елец". А другой возражает: "Нет, это Тула". "Нет, Елец!" - "Нет, Тула!" И разговор опять принимал горячий оборот. Тогда отец подошел к ним и обоим им дал сверху по щелчку. Дети замолчали и воротились назад к отцу на скамейку. А я, сидя почти под картиной, поинтересовался потом: за что же пострадали малыши? За Тулу или за Елец? Оказалось, под картиной была подпись: "Святой град Иерусалим".

Зачем отец приехал и привез своих деточек, я не знаю, а спросить казалось грешно: мы все ждали выхода старца, как церковной исповеди. А в церкви не говорят и об исповеди не спрашивают... Каждый из нас думал о себе. (...)

Прождали мы в комнате минут десять молча: вероятно, старец был занят с кем-либо в другой половине домика. Потом неслышно отворилась дверь из его помещения в приемную комнату, и он вошел... Нет, не "вошел", а как бы вплыл тихо... В темном подряснике, подпоясанный широким ремнем, в мягкой камилавке, о. Нектарий осторожно шел прямо к переднему углу с иконами. И медленно-медленно и истово крестился... Мне казалось, будто он нес какую-то святую чашу, наполненную драгоценной жидкостью, и крайне опасался: как бы не пролить и одной капли из нее. И тоже мне пришла мысль: святые хранят в себе благодать Божию и боятся нарушить ее каким бы то ни было неблагоговейным душевным движением: поспешностью, фальшивой человеческой лаской и др. Отец Нектарий смотрел все время внутрь себя, предстоя сердцем пред Богом. Так советует и Епископ Феофан Затворник: сидя ли, ходя или делая что, будь непрестанно перед лицом Божиим. Лицо его было чистое, розовое; небольшая бородка с проседью. Стан тонкий, худой. Голова его была немного склонена книзу. Глаза полузакрты.

Мы все встали... Он еще раза три перекрестился перед иконами и подошел к послушнику. Тот поклонился ему в ноги, но стал не на оба колена, а лишь на одно, вероятно, по тщеславию стыдился делать это при посторонних свидетелях. От старца не укрылось это, и он спокойно, но твердо сказал ему:

- И на второе колено стань!

Тот послушался... И они о чем-то тихо поговорили... Потом, получив благословение, послушник вышел.

Отец Нектарий подошел к отцу с детьми, благословил их и тоже поговорил... О чем, не знаю. Да и не слушал я: было грешно подслушивать. О себе самом думал я... Все поведение старца произвело на меня благоговейное впечатление, как бывает в храме перед святынями, перед иконою, перед исповедью, перед Причастием.

Отпустив мирян, батюшка подошел ко мне, к последнему. Или я тут отрекомендовался ему как ректор семинарии, или прежде сказал об этом через келейника, но он знал, что я - архимандрит. Я сразу попросил его принять меня на исповедь.

- Нет, я не могу исповедовать вас, - ответил он. - Вы человек ученый. Вот идите к отцу скитона начальнику нашему, о. Феодосию: он - образованный.

Мне горько было слышать это: значит, я недостойн исповедаться у святого старца? Стал я защищать себя, что образованность наша не имеет важности. Но о. Нектарий твердо остался при своем и опять повторил совет - идти через дорожку налево к о. Феодосию. Спорить было бесполезно и я с большой грустью простился со старцем и вышел в дверь.

Придя к скитона начальнику, я сообщил ему об отказе о. Нектария исповедовать меня и о совете старца идти за этим к образованному о. Феодосию.

- Ну, какой же я образованный?! - спокойно ответил он мне. - Кончил всего лишь второклассную школу. И какой я духовник?! Правда, когда у старцев много народа, принимаю иных и я. Да ведь что же я говорю им? Больше из книжек наших же старцев или из святых отцов; что-нибудь вычитаю оттуда и скажу. Ну, а отец Нектарий - старец по благодати и от своего опыта. Нет, уж вы идите к нему и скажите, что я благославляю его исповедать вас.

Я простился с ним и пошел опять в «хибарку». Келейник с моих слов все доложил батюшке, и тот попросил меня к себе в келлию.

- Ну, вот и хорошо, слава Богу! - сказал старец совершенно спокойно, точно он и не отказывался прежде. Послушание старшим в монастыре обязательно и для старцев, и может быть, даже в первую очередь, как святое дело и как пример для других.

И началась исповедь... К сожалению, я теперь решительно не помню ничего о ней. Одно лишь осталось в душе, что после этого мы стали точно родимыми по душе. На память батюшка подарил мне маленькую иконочку из кипарисового дерева с выточенным внутри распятием.

Подошел праздник Успения Божией Матери. Накануне часов около 11 ко мне приходит из монастыря благочинный о. Феодот. Несколько полный, с проседью в темных волосах и бороде, спокойный, приветливый, он и с собой принес тишину. Помолившись и поздоровавшись со мною, он сначала справился о моем здоровье и самочувствии, потом порадовался, "какая ныне хорошая погода" — был тихий, безоблачный день. Я подумал: подход - как в миру, между светскими людьми... Жду дальше: напрасно монахи не ходят по келлиям, как писалось раньше. И действительно, отец благочинный скоро перешел к делу:

- Ваше высокопреподобие! Батюшка отец игумен просит вас сказать завтра на поздней литургии поучение.

Это предложение было для меня совершенно неожиданным: я в миру довольно много говорил проповедей, речей, уроков и устал духовно от многоглаголения, потому, живя в монастыре, хотел уже отдохнуть от учительства в тишине, одиночестве и молчании. И в самом деле отдыхал. И вдруг - проповедей и здесь?

- Нет, нет! - запротестовала моя душа. - Не могу, батюшка!

И начался между нами долгий спор.

—Почему же, ваше высокопреподобие?!

- Ну чему я буду учить вас в монастыре?! Вы - истинные монахи; а живя в миру, какие мы монахи? Нет, и не просите напрасно.

Но отца благочинного нелегко оказалось заставить отказаться от данного ему игуменом поручения:

- А как же вон у нас жили другие ученые монахи, - стал он перечислять их имена, - и проповедовали?

- Это не мое дело, - отстранял я его возражение, - я про себя говорю, что не могу учить вас, монахов. Да и что особого я могу вам сказать? У вас на службах читаются, по уставу, и Жития святых из Пролога, и поучения из творений святых отцов. Чего же лучше?

- Так-то так, но и живое устное слово полезно нам послушать, - настаивал о. Феодот.

- Святые отцы - всегда живые, - возражал я. - Нет уж, батюшка, не просите! Мне трудно это. Так и объясните отцу игумену.

- Да ведь о. игумен и благословил меня просить вас проповедовать.

Видя, что никакие уговоры мои не действуют на посланца, я вспомнил о старце Нектарии: вот кто может выручить из неожиданной беды, думалось мне, я у него исповедался, он знает мою грешную душу и скорее поймет мой отказ по сознанию моего недостойства, а слово старца сильно в обители.

- Я спрошу у батюшки, отца Нектария, - сказал я.

- Хорошо, хорошо! - согласился сразу о. Феодот. И с этими словами он начал прощаться со мной. Да было и время: в монастыре зазвонил небольшой колокол к обеду. Благочинный ушел, а я направился к "хибарке" старца. В знакомой мне приемной никого не было. На мой стук вышел из келлии о. Мелхиседек: маленького роста, в обычной мягкой камилавке, с редкой молодой бородою, с ласковым лицом.

Я объяснил ему наше дело и добавил:

- Мне нет нужды беспокоить самого батюшку; он занят другими. Вы только спросите у него совета. И скажите ему, что прошу его благословить меня не проповедовать.

И я верил в такой ответ старца: мне казалось, что я хорошо поступаю, смиренно. Келейник, выслушав меня, ушел за дверь. И почти тотчас же возвратился:

- Батюшка просит вас зайти к нему.

Вхожу. Целуем друг у друга руки. Он предложил мне сесть и, не расспрашивая больше ни о чем, сказал следующие слова, которые врезались в мою память до смерти.

- Батюшка, - обратился он ко мне тихо, но необычайно твердо, авторитетно, - примите совет на всю вашу жизнь: если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то, как бы трудно или даже как бы высоко ни казалось это вам, не отказывайтесь. Бог за послушание поможет!

Затем он обратился к окну и, указывая на природу, сказал:

- Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ничего! - медленно повторил батюшка, протягивая рукою слева направо. - И Бог из ничего сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он - ничто, тогда Бог начнет творить из него великое.

Я стал плакать. Потом о. Нектарий заповедовал мне так молиться: "Господи, даруй мне благодать Твою!" И вот идет на вас туча, а вы молитесь: "Дай мне благодать!" И Господь пронесет тучу мимо". И он протянул рукою слева направо. Отец Нектарий, продолжая свою речь, рассказал мне почему-то историю из жизни патриарха Никона, когда он, осужденный, жил в ссылке и оплакивал себя. Теперь уж я не помню этих подробностей о патриархе Никоне, но "совет на всю жизнь" стараюсь исполнять. И, слава Богу, никогда в этом не раскаивался. А когда делал что-либо по своему желанию, всегда потом приходилось страдать.

...Вопрос о проповеди был решен: нужно слушаться о. игумена и завтра говорить. Я успокоился и ушел. Обычно для меня вопрос о предмете и изложении поучения не представлял затруднений; но на этот раз я не мог подыскать нужной темы до самого всеобщего бдения. И уже к концу чтения канона на утрени в моем уме и сердце остановились слова, обращенные к Богородице: "Сродства Твоего не забуди, Владычице". Мы, люди, сродники Ей по плоти. Она - из нашего человеческого рода. И хотя Она стала Матерью Сына Божия, Богородицею, но мы, как Ее родственники, все же остались Ей

близкими. А потому смеем надеяться на Ее защиту нас пред Богом, хотя бы были и бедными, грешными родственниками Ее... И мысли потекли, потекли струей... Вспомнился и пример из Жития св. Тихона Задонского о грешном настоятеле той обители, как он был помилован и даже воскрешен Господом. "За молитвы Моей Матери возвращается в жизнь на покаяние", - послышался ему голос Спасителя, когда душа его спускалась на землю. А настоятель этот, будучи по временам одержим нетрезвостью, имел обычай в прочие дни читать акафист Божией Матери.

В день Успения я отслужил раннюю в другом храме... И вдруг во мне загорелось желание сказать поучение и тут. Но так как это было бы самоволием, я воздержался.

Какие лукавые бывают искушения!

На поздней литургии я сказал приготовленную проповедь. Она была действительно удачною. В храме, кроме монахов, было много и богомольцев — мирян. Все слушали с глубоким вниманием.

По окончании службы я спускался по ступенькам паперти. Вдруг ко мне спешно подбежали те два монаха, которых я осудил в душе, и при всем народе радостно поклонились в ноги, благодаря за проповедь... К сожалению, я не запомнил их святых имен, а они заслуживали бы этого за смирение свое.

Но на этом "слава" моя не кончалась. Когда я возвратился в скит, меня на крылечке нашего домика встретил преподобный о. Кукша:

- Вот хорошо сказали, хорошо! Вот был у нас в Калуге архиерей Макарий, тоже хорошо-о говорил проповеди!

Я промолчал. На этом разговор с ним и кончился.

Через некоторое время из монастыря пришла уже целая группа послушников и стала просить меня:

- Батюшка, пойдемте погуляем в лесу и побеседуем: вы такую хорошую проповедь нам сказали.

- "О-о! - подумал я про себя. - Уже учителем заделаться предлагают тебе? А вчера считал себя недостойным и говорить?! Нет, нет, уйди от искушения!" И я отклонил просьбу пришедших.

Кстати, вообще монахам не дозволяется ходить по лесу, и лишь по праздникам разрешалось это, и то группами - для утешения. Но этим пользовались лишь единицы; а другие сидели по келлиям согласно заповеди древних отцов: "Сиди в келлии, и келлия спасет тебя".

На следующий день мне нужно было выехать из монастыря на службу в Тверскую семинарию и я пошел проститься сначала с о. Нектарием. Встретив меня, он с тихим одобрением сказал:

- Видите, батюшка, послушались, и Бог дал вам благодать произнести хорошее слово.

Очевидно, кто-то ему уже об этом сообщил, так как старец не ходил в монастырь.

- Ради Бога, - ответил я, - не хвалите хоть вы меня: бес тщеславия меня уже и без того мучает второй день.

Старец понял это и немедленно замолчал. Мы простились.

От него я пошел через дорожку к скитона начальнику о. Феодосию. Тот спросил меня, как я себя чувствую, с каким настроением отъезжаю.

Я искренно поблагодарил за все то прекрасное, что я видел и пережил здесь. Но добавил:

- А на сердце моем осталось тяжелое чувство своего недостойнства.

Мне казалось, что я говорил искренно и сказал неплохо, а осознание недостойнства мне представлялось смирением. Но о. Феодосий посмотрел иначе:

- Как, как? - спросил он. - Повторите, повторите!

Я повторил. Он сделался серьезным и ответил:

- Это - не смирение. Ваше высокопреподобие, это - искушение вражье, уныние. От нас, по милости Божией, уезжают с радостью; а вы - с тяготою? Нет, это - неладно, неладно. Враг хочет испортить плоды вашего пребывания здесь. Отгоните его. И благодарите Бога. Поезжайте с миром. Благодать Божия да будет с вами.

Я простился. На душе стало мирно.

Какие они духовно опытные! А мы, так называемые "ученые монахи", в самих себе не можем разобраться правильно... Не напрасно и народ наш идет не к нам, а к ним... "простецам", но мудрым и обученным благодатью Духа Святаго. И апостолы были из рыбаков, а покорили мир весь и победили "ученых". Истинно говорится в акафисте: "Вития многовещанная", - то есть ученые ораторы, "видим яко рыбы безгласныя", по сравнению с христианской проповедью этих рыбаков.

И теперь "ученость" наша была посрамлена еще раз.

Когда я приехал на вокзал в Козельск, то в ожидании поезда я сидел за столом. Против меня оказался какой-то низенький крестья-

янин, с остренькой бородкой. После короткого молчания он обратился ко мне довольно серьезно:

- Отец, ты что ли вчера говорил проповедь в монастыре?

- Да, я.

- Спаси тебя, Господи! А знаешь, я ведь думал, что благодать-то от вас, ученых, совсем улетела?

- Почему так?

- Да, видишь, я безбожником одно время стал, а мучился. И начал к вам, ученым, обращаться: говорил я с архиереями: — не помогли. А вот потом пришел сюда, и эти простецы обратили меня на путь. Спаси их, Господи! Но вот вижу, что и в вас, ученых, есть еще живой дух, как Сам Спаситель сказал: "Дух дышет, идеже хочет" (Ин. 3,8).

Скоро подошел поезд. В вагон второго класса передо мной поднялись по ступенькам две интеллигентные женщины. За ними вошел и я. Они очень деликатно обратились ко мне со словами благодарности за вчерашнее слово. Оказалось, это были две дворянки, приезжавшие издалека на богомолье в Оптину и слышавшие мою проповедь. И думается, что эти "ученые" не хуже, а даже лучше, смиреннее, чем бывший безбожник... Да, воистину, Дух Божий не смотрит ни на ученость, ни на "простоту", ни на богатство, ни на бедность, а только на сердце человеческое, и если оно пригодно, то Он там живет и дышит...

Началась революция. И вот какое предание дошло до меня за границей. Отец Нектарий будто бы встретил пришедших с детскими игрушками и с электрическим фонариком, совершенно спокойный. И перед ними он то зажигал, то прекращал свет фонаря. Удивленные таким поведением глубокого старца, а может быть, и ожидавшие какого обличения за свое безобразие от "святого", молодые люди сразу же от обычного им гнева перешли в благодушно-веселое настроение и сказали:

- Что ты? Ребенок, что ли?

- Я - ребенок, - загадочно-спокойно ответил старец.

Если это было действительно так, то стоит серьезно задуматься над смыслом поведения его и загадочным словом о "ребенке".

А ребенком он мог назвать себя, поскольку идеальный христианин становится действительно подобным дитяти по духу. Сам Господь сказал ученикам при благословении детей:

- "Если не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное" (Мк. 10,15).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Схиигумен Анатолий, — в миру Александр Алексеевич Зерцалов (1824-1894).

Иеромонах Анатолий, — в миру Александр Потапов (1855-1923).

Игумен Варсонофий, — в миру Павел Иванович Плиханков (1845-1913). Был полковником Оренбургского казачьего войска, в 1891 году по благословению преп. Амвросия Оптинского (+ 1891) поступил в Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни. Во время русско-японской войны находился в действующей армии. Был священником при лазарете.

Иеросхимонах Нектарий, — в миру Николай Васильевич Тихонов (1856-1928).

² Владыка Вениамин в своей книге передает следующий рассказ о посещениях Л.Н.Толстым Оптиной пустыни:

"Отец Иоиль, старый монах, рассказал мне маленький эпизод из жизни Л.Толстого, бывшего в скиту. Долго он говорил с о. Амвросием. А когда вышел от него, лицо его было хмурое. За ним вышел и старец. Монахи, зная, что у отца Амвросия известный писатель, собрались вблизи дверей «хибарки». Когда Толстой направился к воротам скита, старец сказал твердо, указывая на него: "Никогда не обратится ко Христу! Горды-ыня!"

Как известно, он перед смертью ушел из своего дома. И между прочим, посетил свою сестру Марию Николаевну, монахиню Шамординского женского монастыря, созданного о. Амвросием, верстах в двенадцати от Оптиной. И тут у него снова явилось желание обратиться к старцам. Но он опасался, что они откажутся принимать его теперя, так как он был уже отлучен Церковью за свою борьбу против христианского учения: о Святой Троице, о воплощении Сына Божия, о таинствах (о которых он выражался даже кощунственно). Сестра же уговаривала его не смущаться, а идти смело, уверяя, что его встретят с любовью... И он согласился... Слышал я, что он будто бы подошел к двери «хибарки» и взялся за ручку, но... раздумал и ушел обратно... Потом он поехал по железной дороге; и, заболев, вынужден был остановиться на ст. Астапово, Тульской губернии, где и скончался в тяжелых душевных муках. Церковь послала к нему епископа Тульского Парфения и старца Оптинского Варсонофия, но окружавшие его лица (Чертков и др.) не допустили их до умирающего.

Припомню тут и слышанное мною о нем во Франции.

Одно время я жил на побережье Атлантического океана. Там же в одном доме жила тогда и жена одного из сыновей Л.Толстого со своим внучком Сережей. И она иногда рассказывала кое-что о нем; и тоже повторила, что он был "гордый"... Но она жалела его... Внук был тоже чрезвычайно капризный: если что-либо было не по нему, то он бросался на пол и затылком колотился о него, крича и плача. А в другое время был ласков во всем... После отец, чех, выкрал его от бабушки; он тогда уже разошелся с внучкой Толстого".

³ Может быть, великий князь Константин Константинович (поэт К.Р.), побывавший в Оптиной в 1887 году?

⁴ Русский философ Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) с благословения преп. Амвросия Оптинского принял в 1890 году в Иоанно-Предтеченском скиту тайный постриг, при пострижении получил имя Климент.

Иеромонах Климент (Зедергольм) - выходец из протестантской семьи, выпускник Московского университета. Присоединился к Православной Церкви под влиянием славянофила И.В. Киреевского. В начале 60-х годов прошлого столетия поступил в Оптину пустынь. Принимал деятельное участие в издательской деятельности Оптиной пустыни.

Религиозный писатель и мыслитель Сергей Александрович Нилус пять лет прожил возле Оптиной пустыни.

⁵ Старец Анатолий (Потапов).

⁶ Отец Анатолий с 1908 года был переведен из скита в монастырь для духовного окормления приходящих мирян.

⁷ Архимандрит Ксенофонт был настоятелем Козельской Введенской Оптиной пустыни с 1897 по 1915 год.

⁸ Иеромонах Феодосий (+ 1920) был скитоначальником в 1912-1920 годах.

⁹ Владыка Вениамин принимал участие в мероприятиях, организовывавшихся "Христианской ассоциацией молодых людей" ("УМСА") в бытность его инспектором Сергиевского Богословского института в Париже.